

Образы домашних животных в интерпретациях социального устройства кочевого общества

М. М. Содномпилова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Отмечается, что лошади и крупный рогатый скот традиционно входят в состав основного богатства скотоводов-кочевников Внутренней Азии – *табан хошуу мал* («пять видов скота») и занимают важное место в системе жизнеобеспечения кочевников. Подчеркивается, что длительный этап сосуществования этих домашних животных с человеком определил высокую значимость образов лошади и коровы в мифологии, фольклоре, верованиях и обрядах кочевников. Идея биологической тождественности и совместимости пронизывает жизнь кочевника и объясняет его регулярные обращения к образам животных в интерпретации социальных явлений. Целью настоящей статьи является определение логики толкований явлений социальной жизни через призму образов наиболее значимых в кочевом хозяйстве животных, отраженных в фольклорных текстах разных жанров и обрядах тюрко-монголов.

Ключевые слова: тюрко-монгольские народы, домашние животные, социальные явления, фольклор, интерпретация.

Для цитирования: Содномпилова М. М. Образы домашних животных в интерпретациях социального устройства кочевого общества // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 27. С. 73–78. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2019.27.73>

Images of Domestic Animals in Interpretations of the Social Structure of Nomadic Society

M. M. Sodnompilova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. Horses and cattle are traditionally part of the main wealth of nomadic pastoralists in Inner Asia (*taban khoshuu mal* – five types of cattle) and occupy an important place in the life support system of nomads. They as domestic animals, rather than prey, appear in the economy of the Inner Asia population in the Bronze Age. The long stage of the coexistence of these domestic animals with humans determined the high significance of horse and cow images in mythology, folklore, beliefs and rites of nomads. An idea of the biological identity and compatibility permeates the life of a nomad and explains his regular references to images of animals in the interpretation of social phenomena. The purpose of this article is to determine the interpretations logic of the phenomena of social life through the prism of images of the most significant animals in the nomadic economy, reflected in the folklore texts of various genres and the rituals of the Turko-Mongols. The main sources of research were genealogical legends, sayings explaining social phenomena, the rules and prohibitions of the traditional food complex, zoomorphic vocabulary. The study of folklore texts of the different genres of Turko-Mongols in Inner Asia, containing the images of domestic animals, shows the high status of the horse and cattle in the life of nomads. These animals became the basis of the nomadic economy of the Turko-Mongols. In this regard, the images of the horse and cow as symbols of wealth and happiness are widely represented in the rituals, especially the wedding cycle, wedding favors, songs, guidance songs. In addition, in the Turko-Mongolian wedding cycle of rites, the unity of these images models the future life of the newlyweds in love and harmony. The value of these animals is determined not only by their economic importance in the nomadic economy. Over the long period of coexistence of these animals with humans, their appearance and habits, causing a positive or negative assessment among the nomads, became the main elements in the interpretation of social phenomena, stable “parameters” of human behavior modeling and even evaluation of their appearance.

Keywords: Turko-Mongols, domestic animals, social phenomena, folklore, interpretation.

For citation: Sodnompilova M. M. Images of Domestic Animals in Interpretations of the Social Structure of Nomadic Society. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarcheology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2019, Vol. 27, pp. 73–78. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2019.27.73> (in Russ.)

*Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.

*For complete information about the authors, see the last page of the article.

Введение

Лошади и крупный рогатый скот традиционно входят в состав основного богатства скотоводов-кочевников Внутренней Азии – *табан хошуу мал* («пять видов скота») и занимают важное место в системе жизнеобеспечения кочевников. Крупный рогатый скот (КРС) практически повсеместно составляет основу хозяйства скотовода, и по количеству голов в Монголии до сих пор оценивают состоятельность хозяйств. Мелкий рогатый скот

относительно лошадей, коров и верблюдов занимал второстепенные позиции, считаясь *бог мал* – букв. «сорный скот».

Лошади и крупный рогатый скот в хозяйстве кочевника имеют одинаково важное значение. В качестве домашних животных, а не добычи, они появляются в хозяйстве населения Центральной Азии в эпоху бронзы. На территории Прибайкалья на границе степной и лесной зон остатки крупного рогатого скота и лошадей обнаруживаются уже в энеолите. Кости крупного рогатого скота в Прибайкалье встречены в Шумилихинском могильнике (определение Л. Н. Иваньева) и в районе Еравнинских озер на стоянке Харга I, датируемой эпохой энеолита (Л. Г. Ивашина) [Асеев, 2003, с. 147]. В эпоху бронзы и железа скотоводство стало господствующим в производящем хозяйстве.

Длительный этап сосуществования этих домашних животных с человеком определил высокую значимость образов лошади и коровы в мифологии, фольклоре, верованиях и обрядах кочевников. Идея биологической тождественности и совместимости, пронизывающая бытие кочевника, объясняет его регулярные обращения к образам животных, растений, явлений природы в интерпретации механизма функционирования социума. Задача изучения мифологического программирования повседневной жизни успешно решается в рамках семантического анализа малых жанров фольклора [Цивьян, 1985] и ритуалов [Байбурин, 1993], в рамках структурно-семиотического подхода к исследованию прагматики фольклорных текстов [Новик, 1995]. В настоящей статье предпринимается попытка определить логику толкований явлений социальной жизни через призму образов наиболее значимых в кочевом хозяйстве животных, отраженных в фольклорных текстах разных жанров и обрядах тюрко-монголов.

Значимость лошади и КРС для скотоводов-кочевников

Одним из главных свидетельств фундаментального значения лошади и КРС как основы кочевого хозяйства является присутствие образов этих животных в генеалогических мифах тюрков и монголов. Так, например, известен якутский миф об одном из прародителей якутского народа – Омогой Баае, который жил в стародавние времена на юге, в стране бурят. Он обрел новую родину в Якутии благодаря предсказаниям шамана:

«Один местный шаман, камлавший у Омогой Баая, оборотился в птицу-лебедя, полетел вниз по трехрусловой Лене-реке до устья Вилноя, потом, провидев, рассказывал: “Там, где расширяется Лена-река, находятся две горы Ытык-хая. Южная Ытык Хая создана (с предназначением) для размножения лошадей, а Северная Ытык Хая создана (с предназначением) для размножения рогатого скота... Если поедешь ты в эту страну, видимую мною, то найдешь там счастье и благополучие, впоследствии размножится и распространится твое потомство...” На другой день отправились к Северной Ытык Хая и нашли там пеструю как шмель, трехлетнюю стельную корову и привели ее. На следующий день пришли к Южной Ытык Хая, разыскали три ели и оттуда, с левого склона горы, привели четырехлетнюю темногривую, темнохвостую жеребую кобылу. Здесь они и остановились на постоянном месте жительства...» [Омогой Баай и Эллей Боотур ... , 2004, с. 373].

В языковой картине мире кочевника особенное место занимает зооморфная лексика [Тагарова, 2019, с. 25], что подтверждает ведущие позиции образов животных в осмыслении и выражении эмоционально-оценочной информации об окружающей человека действительности. К образам домашних животных, в основном лошадей и крупного рогатого скота, часто обращаются для усиления образности определенных социальных явлений, коммуникаций. Неудивительно, что среди образов, особенно вдохновляющих кочевника, были домашние животные, и прежде всего лошади и крупный рогатый скот.

Для кочевника главным богатством были лошади, практически единственный вид скота, который смог приспособиться к разным природным зонам на просторах Азии – к суровым условиям высокогорных районов, пустынь и даже тундры. Именно конские табуны радовали душу и улаждали глаза кочевника. Известно множество представлений о счастье, связанных с лошадью. Это их масти, приносящие счастье хозяину, конское снаряжение, которое даже способно было излечивать некоторые болезни (удила), конский волос, который до появления тканей приносили в жертву духам, изображения лошадей

(моринхур, ритуальные ложки и др.). «Якут, сколько бы ни было у него рогатого скота, все жаловался и считал себя бедным; только когда завел один-другой табун коней, начинал говорить: “Ну теперь и я со скотом, есть и у меня добро!”» [Серошевский, 1993, с. 252].

В среде бурят, хозяйство которых основывалось на разведении крупного рогатого скота, почитавших небесного быка Буха-нойона, прародителя одного из бурятских подразделений – булагатов, представления о счастье и достатке связывалось и с коровами. Символом изобилия выступало молоко, особенно *урак* – молозиво – «первое молоко коровы» [Хангалов, 1958, с. 407], которым могли иногда осчастливить бурятское хозяйство божества – покровители скота и молочного изобилия [Дугаров, 2015, с. 49]. Во время специальных обрядов в знак благосклонности семье божества спускали такой урак на землю.

Вероятно, ввиду высокой значимости лошади в жизни кочевника, это животное стало образцом лучших достоинств человека и в частности физической красоты. По мнению якутов, все в лошади чисто, изящно, хорошо. «У якутов сравнение девушки с кобылой, а парня с жеребцом считается дозволительным, даже красивым, а между тем как сравнение девушки с коровой считается оскорбительным» [Там же]. У бурят в отношении коровы было иное мнение: глаза коровы, ее длинные ресницы считались красивыми, «коровьими глазами» *ухэр нюдэн* называли ягоду смородину [Бурятско-русский словарь ... , 1973, с. 517], с которой, в свою очередь, сравнивали глаза красавиц. Подобные сравнения характерны и естественны для любой культурной традиции, экономическую основу которой представляет какое-нибудь домашнее животное, например северный олень, верблюд или yak.

О высоком статусе лошади и коровы в жизни кочевника свидетельствуют воззрения бурят о человеческой душе, которая в темное время суток подвергается опасности быть изловленной злыми духами, что может привести к болезни, а впоследствии и к смерти человека. В верованиях бурят душа человека, покидающая физическое тело ночью и застигнутая врасплох духами, может укрыться в гриве посвященного коня или в шерсти порога [Хангалов, 1958].

Животные с «холодным» и «горячим» дыханием

Хотя и лошади, и корова в хозяйстве кочевника имели одинаково важное значение, образ коровы/быка порой выступает как оппозиционный образу лошади. При этом лошадь обладает позитивными чертами, а корова – негативными. В хозяйстве кочевников Внутренней Азии коровы, в соответствии с традиционной классификацией животных, относятся к животным с «холодным дыханием», так же как козы и верблюды. Классификация животных на две категории «холодный» и «горячий», существующая у тюрко-монголов, вероятно, соответствует системе деления пищи на «горячую» и «холодную», с древности известной народам Азии. В традиции узбеков подобная классификация пищи была основана на делении темпераментов людей (*мижоз*) [Узбеки ... , 2011, с. 355]. Данной классификации соответствовала вся растительная и мясная пища, однако на северной периферии кочевого мира представления о «горячих» и «холодных» свойствах пищи сохранились только по отношению к мясу животных. При этом сформировалось и своеобразное понимание этих признаков у животных.

Так, в частности, КРС и козы образовали группу животных с «холодным дыханием» в силу своего происхождения. Исходя из особенностей природы домашних животных, народная фантазия создала интересные предания об их происхождении. Казахи верили, что не брезгующий даже застоявшимися талыми водами крупный рогатый скот создан из воды [Аргынбаев, 1975, с. 195]. В религиозно-мифологических представлениях тюрко-монгольских народов Сибири крупный рогатый скот и козы являются даром божества земли и воды / божества подземного мира, в то время как лошадей и овец дарует человеку Небо. «...Коровы, считавшиеся животными Эрлика, наделялись холодным дыханием и способностью пророчить смерть. В той стороне, откуда, повернувшись, они тянули носом воздух, должен был умереть человек» [Традиционное мировоззрение ... , 1989, с. 83]. Синий или черный бык является ездовым животным главы подземного мира – Эрлик-хана. Пространственная локализация покровителя крупного рогатого скота, находящегося на

севере [Бутанаев, Монгуш, 2005, с. 22], также соотносит образ этого животного со смертью и холодом. В представлениях якутов коров дарует божество Айсыт, живущее под землей там, где заходит летнее солнце [Серошевский, 1993, с. 649]. Перекликается с этими воззрениями и мнение казахов, считающих, что рядом с крупным рогатым скотом всегда находится нечистая сила и, встретив этих животных на пути ночью, каждый должен был стегнуть скотину плетью, чтобы отогнать злых духов [Аргынбаев, 1975, с. 197]. Принадлежность крупного рогатого скота к группе животных с «холодным дыханием» определяет актуальность негативных ассоциаций, сопутствующих образу этого животного. Так, в народной медицине монгольских народов считалось, что мясо крупного рогатого скота обладает охлаждающими свойствами и не является полезным для больного человека [Вяткина, 1960, с. 166]. Крупный рогатый скот не считался также богоугодной жертвой – в традиции тюрков бычка, как правило, приносили в жертву только водным духам.

В контексте подобных представлений образ КРС, наделяясь негативным смыслом, нередко выступает в оппозиции позитивному образу лошади в интерпретации определенных социальных явлений в традиционном обществе. Так, например, с точки зрения оппозиции корова/лошадь в представлениях монгольских народов оценивалось положение детей, оставшихся без одного родителя. Если дети оставались без матери, то их положение считалось более тяжелым, чем жизнь в отсутствие отца. По этому поводу у монгольских народов говорят: «Удел сироты без матери, но при живом отце будет суров как бычья рога, судьба ребенка без отца будет не так горька – мягкой, как грива лошади» [ПМА].

Представления о домашних животных в культуре питания и свадебной обрядности

Ассоциативными представлениями о животных, выраженными в благопожеланиях, запретах и приметах, наполнена традиционная культура питания тюрко-монголов. Традиционный пищевой комплекс является наиболее информационно насыщенным текстом культуры, отражающим социальные отношения, гендерные различия, культурные ценности. Стереотипы, связанные с едой, регламентируют стиль поведения и коммуникаций членов общества, выступая важным инструментом функционирования социума. Таким образом, пища как сложный мировоззренческий комплекс служит каналом трансляции разнообразных смыслов.

В пищевом комплексе тюрко-монголов через образы животных отражаются многие явления общественной жизни. Некоторые части туши животных запрещалось есть в одиночку и наоборот. Нарушения негативным образом сказывались на отношениях членов общества. В среде монгольских народов запрещалось, например, съесть в одиночку лопатку любого животного – ее следовало разделить между всеми участниками трапезы. Согласно морали преданий и сказок, лопатку необходимо было разделить между 70 людьми [Балдаев, 1959, с. 70]. Нарушившие запрет подвергались нападению злых духов, их преследовали неудачи [Жамцарано, 2001, с. 185, 186]. Возможно, что запрет обоснован сакральным статусом этой части туши животных, главным образом овцы, которая, по преданию, съела священную книгу мудрости, и ее тексты отразились на лопатке, в связи с чем эту кость кочевники использовали в гадании. Запрещалось обглаживать двоим нижнюю челюсть овцы, иначе они станут врагами. По этой же причине только один человек мог съесть глаза коровы. Если же их разделят между собой несколько человек, то они могут до смерти рассориться. В народе про враждующих людей так и говорили: «люди, съевшие глаза одной коровы» [Бутанаев, 1996, с. 106].

Полноценная жизнь кочевника была немислима без наличия в хозяйстве лошадей и крупного рогатого скота. Представления о такой основе кочевого хозяйства хорошо отражаются в свадебном цикле ритуальных блюд, благопожеланий жениху и невесте. Так, у саянских тюрков на свадьбе отец жениха благословлял молодых: «“Пусть у молодых будет дом, как у всех людей! Будьте неразлучны, как рога коровы, будьте неразлучны, как уши лошади!” К свадьбе готовилось и специальное блюдо из отваренной части конского желудка “гас харын” и прямой кишки коровы “хосханах”» [Бутанаев, 1996, с. 123].

В свадебной обрядности бурят особо выделяются песни, посвященные невесте и жениху. Идея благополучия невесты в новой семье, на новом месте, которого ей желают родственники, исполняя песни-наставления, реализуется через образ молодой коровы [Балдаев, 1959, с. 157]:

*Вскормленная нами телка
Пусть размножится до трехсот голов;
Провожжаемая нами молодка
Пусть наполнит триста колчанов.*

Пожелания жениху тесно связаны с образом лошади [Там же, с. 63]:

*Выхоженная нами пегая лошадка
Пусть станет лучшим конем,
Выращиваемый нами мальчик
Пусть станет руководителем охоты...*

Заключение

Исследование фольклорных текстов разных жанров тюрко-монголов Внутренней Азии, содержащих образы домашних животных, показывает высокий статус лошади и крупного рогатого скота в жизни кочевника. Ценность этих животных определяется не только их важным экономическим значением в кочевом хозяйстве. За долгий период сосуществования этих животных с человеком их внешний вид и повадки, вызывая позитивную либо негативную оценку у кочевников, стали основными элементами в интерпретации социальных явлений, устойчивыми «параметрами» моделирования поведения человека и даже оценки его внешности.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки России: проект XII.191.1.1. Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9 (“The transboundary spaces of Russia, Mongolia and China: history, culture, contemporary society”).

Источники

ПМА – информатор Ц. Ц. Галданова 1908 г. р., п. Баянгол Закаменского района Республики Бурятия.

Список литературы

- Асеев И. В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 208 с.
- Арғынбаев Х. Народные обычаи и поверья казахов, связанные со скотоводством // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М. : Наука, 1975. С. 194–206
- Балдаев С. П. Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1959. 179 с.
- Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб. : Наука, 1993. 237 с.
- Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан : Хакасс. кн. изд-во, 1996. 222 с.
- Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан : Изд-во Хакасс. гос. ун-та, 2005. 196 с.
- Бурятско-русский словарь. Буряад-ород толи / сост. К. М. Черемисов М. : Сов. энциклопедия, 1973. 803 с.
- Вяткина К. В. Монголы Монгольской Народной Республики (Материалы историко-этнографической экспедиции академии наук СССР и Комитета наук МНР 1948–1949 гг.) // Восточно-Азиатский этнографический сборник. М. ; Л. : Наука, 1960. С. 159–269.
- Дугаров Б. С. Тенгриистская мифология: пантеон божеств и эпическая интерпретация // Mongolica-XIV. СПб., 2015. С. 48–51
- Жамцарано Ц. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 380 с.
- Новик Е. С. Прагматический аспект магических обрядов // Лотмановский сборник. М., 1995. С. 655–666.
- Омогой Баай и Эллей Боотур / сост. Н. А. Алексеев // Якутские мифы. Новосибирск : Наука, 2004. С. 373–375
- Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. М. : Моск. тип. № 2, 1993. 736 с.
- Тагарова Т. Б. Фразеологические единицы монгольских языков со структурой сравнительной конструкции с образами животных // Монгол судлалын чуулган. 2019. № 26 (61). С. 25–28
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 243 с.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. Т. 1. 550 с.
Цивьян Т. В. Мифологическое моделирование повседневной жизни // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 154–178.

Узбеки / отв. ред. З. Х. Арифханова, С. Н. Абашин, Д. А. Алимова. М.: Наука, 2011. 688 с.

References

- Alekseev N. A. (comp.). Omogoi Baai i Ellei Bootur [Omogoi Baai and Ellei Bootur]. *Yakutskiyemye mify: [Yakut myths]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 2004, pp. 373–375. (In Russ.)
- Argynbaev Kh. Narodnye obychai i poveriya kazakhov, svyazannye so skotovodstvom [Folk customs and beliefs of the Kazakhs associated with cattle breeding]. *Khozyaystvenno-kulturnye traditsii narodov Srednei Azii i Kazakhstana [Economic and cultural traditions of the peoples of Central Asia and Kazakhstan]*. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 194–206. (In Russ.)
- Arifkhanova Z. Kh., Abashin S. N., Alimova D. A. (eds.). *Uzbeki [The Uzbeks]*. Moscow, Nauka Publ., 2011, 688 p. (In Russ.)
- Aseev I. V. *Yugo-Vostochnaya Sibir v epokhu kamnya i metalla [Southeastern Siberia in the era of Stone and Metal]*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2003, 208 p. (In Russ.)
- Baiburin A. K. *Ritual v traditsionnoi kulture. Strukturno-semantichekii analiz vostochnoslavianskikh obryadov [Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rites]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993, 237 p. (In Russ.)
- Baldaev S. P. *Buryatskie svadebnye obryady [Buryat wedding ceremonies]*. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1959, 179 p. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya. *Traditsionnaya kultura i byt khakasov [Traditional culture and lifestyle of Khakasians]*. Abakan, Khakassian book Publ., 1996, 223 p. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya, Mongush Ch. V. *Arkhaicheskie obychai i obryady sayanskikh tyurkov [Archaic customs and rites of the Sayan Turks]*. Abakan, Khakassian State University Publ., 2005, 196 p. (In Russ.)
- Cheremisov K. M. (comp.). *Buryatsko-russkii slovar. Buryaad-orod toli [Buryat-Russian dictionary. Buryaad-orod toli]*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1973, 803 p. (In Buryat; In Russ.)
- Dugarov B. S. *Tengriistskaya mifologiya: panteon bozhestv i epicheskaya interpretatsiya [Tengriist mythology: the pantheon of deities and the epic interpretation]*. *Mongolica – XIV*. St. Petersburg, 2015, pp. 48–51. (In Russ.)
- Khangalov M. N. *Sobranie sochinenii [Collected works]*. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1958, Vol. 1, 550 p. (In Russ.)
- Lvova E. L., Oktyabrskaya I. V., Sagalaev A. M., Usmanova M. S. *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshchnyi mir [Traditional worldview of the Turkic peoples. Space and time. World of things]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1989, 243 p. (In Russ.)
- Novik Ye. S. *Pragmatichekii aspekt magicheskikh obryadov [The pragmatic aspect of the magical rites]*. *Lotmannovskii sbornik [Lotmann's collection]*. Moscow, 1995, pp. 655–666. (In Russ.)
- Seroshevskii V. L. *Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya [Yakuts. The experience of ethnographic research]*. Moscow, Moscow Printing House No. 2, 1993, 736 p. (In Russ.)
- Tagarova T. B. *Frazeologicheskie edinitsy mongolskikh yazykov so strukturoi sravnitelnoi konstruktsii s obrazami zhivotnykh [Phraseological units of Mongolian languages with the structure of a comparative design with images of animals]*. *Mongol sudlalyn chuulgan [Mongolian Studies collection]*. 2019, No. 26 (61), pp. 25–28. (In Russ.)
- Tsiviyan T. V. *Mifologicheskoe modelirovanie posvednevnoi zhizni [Mythological modeling of everyday life]*. *Etnicheskie stereotipy povedeniya [Ethnic stereotypes of behavior]*. Leningrad, 1985, pp. 154–178. (In Russ.)
- Vyatkina K. V. *Mongoly Mongolskoi Narodnoi Respubliki (Materialy istoriko-etnograficheskoi ekspeditsii Akademii nauk SSSR i Komiteta nauk MNR 1948–1949 gg.) [Mongols of Mongolian People's Republic (Materials of Historian and Ethnographic expedition of AS USSR and Scientific Committee of MPR in 1948–1949)]*. *Vostochno-Aziatskii etnograficheskii sbornik [East Asian ethnographic collection]*. Moscow, Leningrad, 1960, pp. 159–269. (In Russ.)
- Zhamtsarano Ts. *Putevyye dnevniki 1903–1907 gg [Travel diaries of the 1903–1907 years]*. Ulan-Ude, BNC SO RAN Publ., 2001, 380 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Содномпилова Марина Михайловна

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт монгологии, буддологии и тибетологии СО РАН; Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
e-mail: sodnompilova@yandex.ru

Information about the authos

Sodnompilova Marina Mikhailovna

Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS; 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation
e-mail: sodnompilova@yandex.ru